

**Международный пакт
о гражданских и политических
правах**

Distr.: General
15 May 2007
Russian
Original: English

**Комитет по правам человека
Восьмьдесят девятая сессия**

Краткий отчет о 2442-м заседании,
состоявшемся в Центральных учреждениях, Нью-Йорк, в пятницу, 23 марта 2007 года, в 10 ч. 00 м.

Председатель: г-н Ривас Посада

Содержание

Общие замечания Комитета (*продолжение*)

Проект общего замечания № 32 по статье 14 Пакта (продолжение)

В настоящий отчет могут вноситься поправки.

Поправки должны представляться на одном из рабочих языков. Они должны быть изложены в пояснительной записке, а также внесены в один из экземпляров отчета. Поправки должны направляться *в течение одной недели с момента выпуска этого документа* на имя начальника Секции редактирования официальных отчетов, комната DC2-750 (Chief, Official Records Editing Section, room DC2-750, 2 United Nations Plaza).

Любые поправки к отчетам об открытых заседаниях Комитета на этой сессии будут сведены в один документ, содержащий только исправления, который будет издан вскоре после окончания сессии.

Заседание открывается в 10 ч. 05 м.

Общие замечания Комитета (продолжение)

*Проект общего замечания № 32 по статье 14 Пакта (CCPR/C/GC/32/CRP.1/Rev.4)
(продолжение)*

Пункт 23 (продолжение)

1. **Г-жа Моток** обращает внимание Комитета на текст о военных трибуналах, принятый Международной комиссией юристов (МКЮ) в 2006 году. Хотя практика Комитета не предусматривает воспроизведение текста других органов, важно уточнить, что военные трибуналы не обязаны рассматривать дела, связанные с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности, поскольку прошлый опыт показал, что они не всегда обеспечивают справедливое судопроизводство. Она интересуется, согласны ли другие члены включить упоминание об этом в пункт 23.

2. **Г-жа Шане** говорит, что она предпочла бы сохранить текст в той форме, в какой он был предложен г-ном Келином, то есть с упоминанием слова «обычно», вместо предложения сэра Найджела Родли, прозвучавшего в ходе предыдущего обсуждения в Комитете и не определяющего конкретных условий создания в исключительных обстоятельствах военных трибуналов для рассмотрения дел гражданских лиц; это вызывает определенную обеспокоенность, особенно в свете общего замечания № 29 Комитета по статье 4.

3. **Г-жа Веджвуд** отмечает, что традиционно военные трибуналы — это место для рассмотрения военных преступлений, что можно, например, увидеть из статьи 84 третьей Женевской конвенции, касающейся обращения с военнопленными. Она не согласна полностью с предположением, что Нюрнбергский процесс был примером противоположного, о чем сказала г-жа Шане в ходе обсуждения в предыдущий день, поскольку, хотя этот процесс и был международным мероприятием, тем не менее он заседал в форме военного трибунала. Кроме того, судопроизводство в Нюрнберге не касалось строго военнослужащих. Содержащаяся в пункте 23 формулировка носит несколько исключаящий характер, поскольку в рамках военных трибуналов рассматривались дела не только военнослужащих.

4. **Г-жа Моток** говорит, что целесообразно еще более уточнить состояние необходимости, поскольку

ку оно имеет несколько общепринятых определений в международном праве. В тексте следует учесть пункт 16 общего замечания № 29, в котором подчеркивается, что даже в случае вооруженного конфликта право на справедливое судопроизводство гарантируется по статье 4 Пакта.

5. **Г-н Ширер** согласен, что общее замечание № 29 должно быть отражено в нынешнем проекте текста, вероятно, в форме ссылки на состояние необходимости. Трибуналы, рассматривающие военные преступления, функционируют, как правило, в рамках правовых систем *sui generis* и не обязательно подпадают под статью 14, однако добавление выражения «... или совершаемые исключительно в военном контексте» в конце предложения, начинающегося со слов «... Суд над военнослужащими», будет учитывать эту возможность. Такое изменение сохранит в некоторых странах юрисдикцию военно-полевых судов в отношении преступлений, которые не носят исключительно военного характера.

6. **Г-н Амор** говорит, что пункт 23 мог быть более конкретным без ссылки на состояния необходимости и предполагал бы включение после третьего предложения в тексте на французском языке следующие слова: “Un civil ne devrait pas être jugé par un tribunal militaire à moins que l’administration de la justice par ce dernier procède d’une manière équitable, impartiale et indépendante, compte dûment tenu de l’observation générale n°29, lorsqu’il y a des circonstances exceptionnelles”. Такой текст охватывал бы ряд соответствующих ситуаций во избежание полного нарушения практики Комитета.

7. **Г-жа Веджвуд**, отвечая г-же Моток, говорит, что критика некоторых кодексов военного правосудия, в том числе ее собственной страны, связана с тем, что они не включают в себя ссылки на геноцид и преступления против человечности; вместо этого такие преступления рассматриваются в качестве гражданских. Проблема, связанная с тем, что военный трибунал может рассматривать дела, являющиеся на практике военными преступлениями, но не может рассматривать преступления против человечности или преступления геноцида, заключается всегда в исключительно техническом характере определений. Фактически, преимущество преступлений против человечности чисто с точки зрения уголовного преследования заключается в том, что характер или состояние вооруженного конфликта не

требует обсуждения: систематические случаи грубого обращения с гражданским населением, даже если они были одиночными, могут рассматриваться в качестве преступлений против человечности. Практика Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии заключается в объединении обвинений о совершении военных преступлений, преступлений против человечности и преступлений геноцида, поскольку отделение одних от других является достаточно сложным. Было бы неестественно пытаться провести такое различие, когда сами международные трибуналы считали необходимым проявлять рассудительность в выдвижении обвинений в отношении того или иного конкретного преступления. Международное гуманитарное право и право вооруженных конфликтов в определенном смысле сформировались сами по себе, поэтому в настоящее время преступления против человечности являются частью права вооруженных конфликтов.

8. **Г-жа Шане** говорит, что, если геноцид и преступления против человечности не совершались бы военнослужащими, не было бы никакой причины судить их в военном трибунале. Однако там, где военные преступления ставятся под сомнение, преступления против человечности и геноцид могли бы рассматриваться как связанные с ними преступления, поэтому могли бы подлежать судебному расследованию в военных трибуналах. Она вновь подтверждает, что Нюрнбергские институты, которые являются военными трибуналами, созданными для разрешения вооруженного конфликта в рамках международного соглашения, не подпадают под проект общего замечания Комитета по статье 14. Скорее, нынешний проект направлен на улучшение предыдущего общего замечания по статье 14 (№ 13), которое допускает создание военных трибуналов по любой причине при той оговорке, что они должны соблюдать беспристрастность и независимость, о чем говорится в этой статье. В контексте той или иной страны, которая не находится ни в состоянии войны, ни в чрезвычайном положении, нет никаких оснований для судебного рассмотрения военными невоенных правонарушений за исключением того случая, когда государство хотело бы оказать свое влияние и рассматривало бы военные трибуналы в качестве средства для поиска судей, которые приняли бы решение в его интересах.

9. **Сэр Найджел Родли** говорит, что преследование в судебном порядке гражданских лиц в военных трибуналах и рассмотрение дел военнослужащих за некоторые невоенные правонарушения — это два вопроса, которые следует отделять друг от друга. Военное правосудие в отношении военнослужащих не подпадает под статью 14, а скорее относится к вопросу безнаказанности; поэтому он поддерживает предложение г-на Ширера о сноске. Комитету следует сосредоточиться на первом вопросе, который требует конкретной формулировки, поскольку он больше касается обеспечения правосудия, чем просто права на справедливое судопроизводство. Касаясь императивных соображений о состоянии необходимости, он говорит, что не будет возражать против изменения формулировки, предложенной им ранее. Однако его точка зрения сводится к тому, что лишь в самых исключительных обстоятельствах специальные или военные суды могут осуществлять юрисдикцию над гражданскими лицами или лишать такой юрисдикции обычные суды, поскольку они не в состоянии осуществить правосудие. Если Комитет считает, что военные трибуналы не должны осуществлять юрисдикцию в отношении какого-либо гражданского вопроса, в случае чего было бы достаточно сделать просто ссылку на общее замечание № 29, целесообразно внести в текст поправки, с тем чтобы четко обозначить, что государства-участники должны нести все бремя доказывания для обоснования отказа от обычного гражданского судопроизводства.

10. **Г-н Амор** обеспокоен по поводу юрисдикции некоторых специальных судов, например Суда по делам безопасности, которые рассматривают правонарушения, касающиеся национальной безопасности. Несмотря на законную обеспокоенность по поводу того, что дела подобного рода могут рассматриваться военными трибуналами, гражданские суды могут быть легко втянуты в этих обстоятельствах в политику и в конце концов пострадать также сильно из-за отсутствия доверия к ним, как и военные трибуналы. Деятельность Судов по делам безопасности характеризуется политическим воздействием, а их история связана с несправедливостью и нечестностью. Поэтому военные трибуналы должны рассматривать дела военнослужащих, однако в особых случаях или в случае, касающемся как военнослужащих, так и гражданских лиц в качестве соподсудимых, они должны иметь право проводить слушания, при той оговорке, что они обязаны соблюдать

условия, изложенные в статье 14, а в исключительных обстоятельствах — положения, сформулированные в общем замечании Комитета № 29 по статье 4.

11. **Г-н О'Флахерти** говорит, что, хотя он и понимает обоснованность использования формулировки, касающейся вопроса о том, что военнослужащие должны подлежать судебному разбирательству лишь в военных судах в связи с военными правонарушениями, а также стремление не допустить безнаказанности, заключительное предложение вызвало законную обеспокоенность, о чем заявили г-жа Шане и г-н Ширер. Ввиду распространения практики военного права во всем мире, в своей нынешней формулировке это предложение является двусмысленным и несоответствующим. Вместо того чтобы рассматривать безнаказанность в сноске, ее следует проанализировать в отдельной фразе, поскольку военные суды, рассматривающие дела военнослужащих, должны прежде всего заниматься военными правонарушениями, при этом любое применение военного права ни при каких обстоятельствах не может привести к последствиям, связанным с безнаказанностью.

12. Он не согласен с мнением, что создание военного суда и соблюдение им положений статьи 14 является достаточным для законного рассмотрения им дел гражданских лиц. Именно государства обязаны продемонстрировать исключительный характер обстоятельств, которые должны иметь конкретное отношение к категории рассматриваемого дела.

13. **Сэр Найджел Родли** говорит о наличии дел, в рамках которых фактически предпочтительнее использовать военное правосудие, а не практику специальных гражданских судов. Однако преимущество последних заключается в том, что ввиду их открытости можно убедиться в их беспристрастности и независимости, в то время как работа военных судов засекречена. Легче также определить политические аспекты невоенной судебной практики. Он предлагает открыто признать два или более этапа признания исключительности. На первом этапе изменялись бы процедуры обычных уголовных судов, с тем чтобы, например, они могли получать доказательства на основе практики подслушивания. На втором этапе обеспечивалась бы защита специальных судов в случае опасности запугивания присяжных заседателей. Формулировка этого пункта должна допускать подобную градацию отказа от обычно-

го правосудия, при этом военное правосудие должно представлять собой крайнюю степень такого отхода.

14. **Г-жа Шане** подчеркивает, что государство обязано обосновывать решение о непривлечении к гражданскому суду и что такое решение будет недопустимым в случае его принятия в обход требований статьи 14; оно должно оцениваться на индивидуальной основе. Бремя доказывания лежит на государстве.

15. **Г-жа Веджвуд** отмечает новую тенденцию, которая принята во внимание в формулировке пункта 23 и касается передачи военных задач гражданским подрядчикам. Однако на практике не было найдено никаких эффективных путей обеспечения необходимой справедливости и независимости военных судов в ходе судопроизводства в отношении таких лиц, которые зачастую действуют далеко за пределами своей страны происхождения. Целесообразно найти новые пути рассмотрения дел таких лиц, адаптированные к практическим трудностям ситуации. Она также предупреждает против опасности неправильной криминализации военными судами некоторых деяний, например, объявления свободы слова призывом к мятежным действиям.

16. **Г-жа Палм** согласна с замечаниями об исключительном характере рассмотрения военными судами дел гражданских лиц. Необходима более конкретная формулировка, с тем чтобы государства не только несли бремя доказывания, но и учитывали императивные причины. Она также указывает на возможность действия полувоенных судов и интересуется, можно ли это отразить в пункте 23.

17. **Г-н О'Флахерти** подчеркивает, что безнаказанность не относится к вопросу, рассматриваемому в статье 14. Он согласен с предложением сэра Найджела Родли о градации исключительности, однако опасается, что это усложнит процесс разработки формулировки. Пункт 24 включает элементы, касающиеся подобного процесса градации.

18. **Г-жа Моток** говорит, что даже в случае состояния необходимости требуется определить принципы, которые применимы также в отношении военных судов.

19. **Г-н Келин**, выступая в качестве докладчика по вопросу о проекте общего замечания по статье 14, говорит, что, несмотря на консенсус по ряду частей

пункта 23, остаются некоторые вопросы, которые требуют пояснения до возможного предложения любой альтернативной формулировки. В частности, по вопросу о суде над военнослужащими в невоенных судах он сомневается, что включение сноски с целью ссылки на тот вопрос, который, по его признанию, выходит за рамки статьи 14, внесет большую ясность. Одним из решений может быть исключение последнего предложения из этого пункта.

20. Другой вопрос, требующий решения, сводится к тому, должны ли военные суды быть в состоянии рассматривать дела о преступлениях против человечности и геноцида. Он согласен, что они особенно пригодны для рассмотрения военных преступлений, поскольку они в большей мере способны определять военную необходимость; однако провести различия между такими преступлениями и преступлениями против человечности не всегда просто. Поэтому может быть лучше не делать никаких ссылок на различные категории международных преступлений.

21. Он отмечает наличие общего согласия по вопросу рассмотрения военными судами дел гражданских лиц, выполняющих военные задачи, как это было в случае Нюрнбергских военных трибуналов, когда такие лица рассматривались как часть военной машины. Комитет может выразить пожелание включить в пункт 23 после слов «не выполняющие военные задачи» выражение «или же непосредственно связанные с вооруженными силами».

22. По-видимому, существует также согласие в том, что использование слова «обычно» в этом пункте означает наличие исключений: предстоит еще определить их характер. Все признают, что в ситуациях, когда может быть применима статья 4 (умаление со временем значения чрезвычайного положения), может возникать исключение в рамках правила о гражданских лицах, дела которых не рассматриваются военным судом. Затем существуют императивные соображения необходимости, о которых упомянул сэр Найджел Родли и которые оставляют открытым вопрос о том, когда такие случаи не будут подпадать под статью 4 и обуславливают необходимость создания новой категории, связанной с полуотменой. Третье возможное исключение сводится к осуждению гражданских лиц военными судами, которые дадут все гарантии беспристрастности и независимости, однако это сводится скорее к требованию, чем исключению.

23. **Председатель** предлагает членам Комитета высказаться по трем возможным исключениям в рамках ограничения юрисдикции военных судов над гражданскими.

24. **Г-жа Шане** согласна с исключением в рамках статьи 4. Что касается второго вопроса, то расширение текста согласно выдвинутым предложениям сопряжено с опасностью. Что же касается предложения о том, что третье исключение создаст новую категорию частичной отмены, то статья 4 уже допускает это: в случае допустимости использования военных судов в обстоятельствах, указанных государством, они по-прежнему обязаны соблюдать положения статьи 14.

25. **Сэр Найджел Родли** выражает обеспокоенность по поводу того, что после предлагаемого исключения в формулировке не будет учтен аспект безнаказанности. Он предлагает добавить параллельно предложение «с учетом опасности безнаказанности». Он говорит, что вместо того, чтобы пытаться создать то, что г-н Келин определил в качестве новой категории частичного отказа, он предпочел бы сделать ссылку на статью 4. В отсутствие любого упоминания о частичном отказе требуется сослаться затем на необходимость в качестве одного из путей обеспечения буфера между обычным и экстраординарным правосудием. Он считает, что в этом пункте будет по-прежнему открыто исключаться юрисдикция военных судов над гражданскими.

26. **Г-жа Веджвуд** говорит, что добавление к третьему предложению, предложенное г-ном Келином, является слишком расплывчатым, и предлагает вместо него выражение «или тех, кто совершил преступления в условиях вооруженного конфликта». Что касается военного конфликта за рубежом, то здесь будет применима статья 4; в случаях военной оккупации необходимость безопасности не отменяет требований четвертой Женевской конвенции о защите гражданских лиц во время войны.

27. **Г-жа Амор** говорит, что Комитету не следует пытаться ставить слишком амбициозные задачи, стремясь учесть все возможные ситуации. Даже в исключительно военном контексте должны применяться основополагающие принципы правосудия и статья 14. Положение гражданских лиц, выполняющих военные задачи, или полувоенных групп, или вооруженной милиции во внутреннем конфлик-

те — это «серая» зона, которую не следует учитывать. Суд над тем или иным гражданским лицом в военном суде может быть допустим в исключительных обстоятельствах, однако здесь будут по-прежнему применяться статьи 4 и 14 и общее замечание № 29 Комитета.

28. **Г-жа Моток** выступает за строгое толкование статьи 14 и согласна с необходимостью недвусмысленного заявления о том, что военные суды должны быть беспристрастными и независимыми и соблюдать те же принципы правосудия, что и гражданские суды. Она также считает целесообразным сделать определенную ссылку на необходимость избегать безнаказанности. В конце пункта можно также сослаться на необходимость независимости военных судей от военной иерархии, что обеспечит связь со следующим пунктом об «анонимности судей». В отношении судопроизводства над гражданскими лицами в военном суде она предполагает, что Комитет может выразить пожелание изучить работу Международного Суда по этому вопросу.

29. **Г-н Ширер** принимает к сведению замечание г-жи Веджвуд об отправлении правосудия на оккупированных территориях согласно четвертой Женевской конвенции, однако считает, что такие ситуации подпадают под заголовок *lex specialis*, особенно право вооруженных конфликтов; вероятно, в сноске можно было бы добавить, что данный пункт не применим в отношении ситуаций, связанных с вооруженным конфликтом. В любом случае он предлагает отложить дальнейшее обсуждение пункта 23 до представления докладчиком нового проекта.

30. **Г-жа Палм** говорит, что основной вопрос заключается в том, разрешать или нет военным судам рассматривать дела гражданских лиц исключительно в контексте частичной отмены согласно статье 4 или же могут также существовать некоторые другие исключительные обстоятельства. В принципе, она предпочла бы лишь частичную отмену статьи 4, однако может понять необходимость предусмотрения других возможностей. В любом случае она согласна с г-ном Ширером, что Комитет должен отложить дальнейшее рассмотрение этого пункта до представления докладчиком нового текста.

31. **Г-н Ивасава** выступает за исключение четвертого предложения из этого проекта, которое касается обычных преступлений, совершаемых военно-

служащими. В отношении гражданских лиц, которые выполняют военные задачи, он предпочел бы формулировку, предложенную г-жой Веджвуд.

32. **Г-н О'Флахерти**, отвечая г-же Палм, выражает обеспокоенность по поводу того, что ограничение права военных судов на рассмотрение дел гражданских лиц частичной отменой согласно статье 4 может, фактически, поощрять государства к объявлению чрезвычайного положения.

33. **Г-н Джонсон** говорит, что как военнослужащие, совершающие общие правонарушения по закону, так и гражданские лица, которые совершают правонарушения военного характера, должны подлежать судопроизводству в гражданском суде. Он напоминает, что Комитет проанализировал этот вопрос недавно при рассмотрении пятого периодического доклада Чили и подчеркнул необходимость избегать исключений из этого принципа.

34. **Г-жа Моток** отмечает, что Комитет пока что не обсуждал вопрос о судах, действующих на основе обычного права.

35. **Г-н Келин** хотел бы, чтобы Комитет рассмотрел вопрос о судах, действующих на основе обычного права, до разработки предложения по этому вопросу. Он предлагает включить новый пункт, касающийся судов обычного права, между пунктами 23 и 24 или, вероятно, в любом другом месте проекта замечаний.

36. **Г-н О'Флахерти** предлагает Комитету приступить вначале к обсуждению пункта 24, а затем вернуться к вопросу о судах обычного права, при этом новый пункт следует включить в любую другую часть текста.

37. **Председатель** исходит из того, что Комитет хотел бы отложить дальнейшее обсуждение пункта 23.

Пункт 24

38. **Г-н Амор** говорит о существовании ситуаций, которые были признаны Комитетом в рамках его практики, когда использование выражения «анонимность судей» может быть обоснована необходимостью избежать запугивания и угроз, которые могут повлиять на их решение. Основная проблема заключается в том, существует ли какой-либо механизм обеспечения гарантий независимости и беспристрастности указанных судей. Соответственно,

он предлагает включить в конце первого предложения текста на французском языке слова “dont l’identité et le statut ne sont pas vérifiés par une autorité indépendante” («личности, статус которых не удостоверяется независимым органом»). Это будет подразумевать, что использование выражения «анонимность судей» может быть допустимо в исключительных обстоятельствах.

39. **Г-н Ширер** говорит, что предложение г-на Амора носит очень практический характер. Он также предлагает включить после слова «страдают» во втором предложении слово «зачастую». Эти два изменения подкрепят мысль о том, что использование выражения «анонимность судей» допустимо лишь в чрезвычайных обстоятельствах и предусматривает обеспечение всех других гарантий справедливого суда, при этом независимым экспертом, которому поручается задача проверки судей, может быть, например, омбудсмен.

40. **Г-н О’Флахерти** согласен с предложенными поправками, но говорит, что в данном пункте следует подчеркнуть, что использование выражения «анонимность судей» приемлемо лишь в подлинно исключительных обстоятельствах и что государство-участник должно обосновывать применение этой меры. Должно быть также ясно, что любые несоответствия, упомянутые в пункте, будь то в контексте суда «анонимных судей» или нет, будут сами по себе означать нарушения Пакта.

41. **Г-жа Веджвуд** согласна с поправкой, предложенной г-ном Амором. Она также указывает, что в некоторых случаях присяжные заседатели могут также подвергаться давлению или запугиванию и должны быть анонимными, например, определяться лишь по номерам, поэтому она интересуется, целесообразно ли также в тексте упомянуть о членах суда присяжных.

42. **Сэр Найджел Родли** говорит, что позиция Комитета всегда заключалась в ссылке на «анонимность судей» как допустимой лишь в подлинно исключительных случаях; в прошлом при установлении нарушения Пакта имели место другие обстоятельства помимо использования «анонимных судей» как таковых. Именно это подразумевается словами «в обстоятельствах, подобных этим» в последнем предложении. Что касается же предложения г-на Амора, то, хотя он и выступает за четкий, по возможности, текст, вопрос независимости судей

связан не только с их статусом, но и такими факторами, как, предлагаются ли им какие-либо стимулы или нет и кто отбирает их, например, исполнительная или судебная власть, а это не может быть решено исключительно на основании ссылки на независимость власти, подтверждающей их статус. Он считает, что Комитету следует избегать подобного представления и вынести рекомендацию в отношении того, насколько приемлемо использование выражения «анонимность судей». Он согласен с добавлением, предложенным г-ном Ширером, однако считает целесообразным сохранить текст в том виде, в котором он был разработан, подразумевая при этом возможность применения выражения «анонимность судей» со ссылкой на прошлый опыт Комитета, когда использование слов «анонимность судей» было связано с недопустимой практикой.

43. **Председатель**, выступая в качестве одно из членов Комитета, говорит, что вопрос анонимности судей должен быть отделен от несоответствий, перечисленных во втором предложении пункта. Из практики Комитета четко вытекает, что наличие других несоответствий в судопроизводстве под председательством «анонимных судей», а не тот факт, что они являются анонимными, привело к выявлению фактов нарушения Пакта. Второе предложение следует изменить, с тем чтобы сделать это различие более четким. Практика Комитета основана на случаях, предусматривавших использование «анонимных судей» как в Перу, так и Колумбии; он указывает, что такие суды более не существуют в этих странах, будучи признанными впоследствии неконституционными соответствующими Верховными судами, что было главным образом основано на выводе Комитета об отсутствии фундаментальных гарантий справедливого судопроизводства согласно статье 14.

44. **Г-жа Шане** говорит, что юриспруденция Комитета носит несколько двусмысленный характер, поскольку она не осуждает специальные трибуналы в составе «анонимных судей» как таковых, а скорее обращает внимание на другие процедурные несоответствия, которые, как правило, подрывают их законность. С тем чтобы, по возможности, со всей ясностью заявить об обстоятельствах, в которых могут быть допустимы «анонимные судьи», она считает достаточной ссылкой на выполнение основных норм справедливого суда, содержащихся в последнем предложении пункта 24.

45. **Г-н Келин** согласен, что процедурные несоответствия, перечисленные во втором предложении пункта 24, не обязательно способствуют тому факту, что указанные трибуналы будут состоять из «анонимных судей». Поэтому он предлагает включить между словами «но и» и «из» слово «зачастую».

46. Он сомневается в необходимости начала обсуждения конкретных обстоятельств, в которых «анонимные судьи» могут быть приемлемы, поскольку считает, что пункт 24 в его нынешней формулировке по-прежнему относится к практике Комитета и оставляет место для будущих его проработок. По той же причине он выступает против ссылки на дела исключительного характера.

47. Касаясь предложения, выдвинутого г-ном О'Флахерти, он говорит, что в остальной части проекта общего замечания со всей ясностью говорится о том, что все процедурные несоответствия, перечисленные в пункте 24, сами по себе являются нарушениями статьи 14 Пакта даже в тех случаях, когда судьи не являются «анонимными». Что касается замечаний г-жи Веджвуд, то он не возражает против включения ссылки на присяжных заседателей ввиду того, что они могут также нуждаться в защите от угроз и запугивания.

48. **Г-жа Веджвуд** говорит, что готова предложить формулировку, касающуюся членов суда присяжных. Говоря о слове «несоответствия» во втором предложении, она указывает, что в некоторых обстоятельствах слово «несоответствующий» может означать «незаконный». Следовательно, во избежание создания представления о том, что специальные трибуналы в составе «анонимных судей» всегда являются незаконными, она предлагает исключить слово «другие».

49. **Г-жа Шане** возражает против включения ссылки на присяжных заседателей, особенно потому, что Комитет не рассматривал никаких случаев об анонимных членах суда присяжных. В некоторых странах выполнение обязанностей присяжных заседателей носит добровольный характер, поэтому отдельные лица, которым причинен конкретный ущерб, могут добровольно выполнять эти обязанности, а затем использовать свою анонимность для осуществления своих собственных целей. В отсутствии информации о личности членов суда присяжных будет невозможно обеспечить их беспристра-

стность и, следовательно, соответствие выполнению этих функций.

50. **Г-жа Веджвуд** говорит, что, по-видимому, налицо неправильное понимание вопроса об использовании термина «анонимный». Присяжные заседатели никогда не являются полностью анонимными — они подлежат отбору на основе интервью и физически присутствуют во время судопроизводства, — но защитить их возможно на основе сохранения в тайне данных об их личности (имени и адресе). В ответ на замечания г-жи Шане она говорит, что не знает ни одной юридической системы, в рамках которой потенциальные члены суда присяжных могут делать это на добровольной основе. Она также указывает, что в системах общего права суд присяжных отвечает за вынесение решения по фактическим вопросам.

51. **Председатель** указывает, что выражение на испанском языке “jueces sin rostro” не является официальным термином; формальное название — “jueces especiales” или “jueces excepcionales”.

52. **Г-н Амор** напоминает, что в связи с пунктом 24 были поставлены два отдельных вопроса: во-первых, каким образом устанавливать личность и статус «анонимных судей» и, во-вторых, как устранить процедурные несоответствия, которые, как правило, затрудняют отправление правосудия, даже в тех случаях, когда личность участвующих судей полностью установлена.

53. **Сэр Найджел Родли** замечает, что подготовка списка критериев, предназначенных для гарантии независимости и беспристрастности «анонимных судей», будет длительной и трудной задачей и может даже иметь непродуктивный характер, поскольку государства могут использовать этот список в качестве основы для отбора таких судей. Хотя пункт 24 и практика Комитета допускают имплицитное использование специальных трибуналов в составе «анонимных судей», попытки кодифицировать обстоятельства, в рамках которых допустимы такие механизмы, были бы нецелесообразны.

54. Он анализирует вопрос, связанный с предложением г-жи Веджвуд об исключении слова «другие», поскольку для него термин «несоответствия» означает ненормальную, а не незаконную деятельность. Кроме того, он решительно возражает против ссылки на анонимных членов суда присяжных, особенно ввиду того, что по меньшей мере в Соеди-

ненном Королевстве присяжные заседатели отбираются произвольно и сохраняют квази-анонимный статус. Совершенно необязательно оформлять в законодательном порядке то положение, которое, по его пониманию, никогда не возникало.

55. **Г-жа Веджвуд** указывает, что все процедурные несоответствия, перечисленные во втором предложении, никогда не обосновываются в принципе, а также на практике. В этом контексте термин «несоответствующий» может, несомненно, означать незаконный; исключение слова «другие» устранил взаимосвязь между процедурными несоответствиями и применением выражения «анонимные судьи», допустив тем самым наличие ситуации, в которой можно использовать таких судей. В проекте общего замечания целесообразно определить принципы, а не факты, поэтому в нем не должна просто вкратце описываться практика Комитета.

56. **Председатель** указывает, что практика Комитета, касающаяся «анонимных судей», распространяется на дела лишь из двух стран, в которых не используется система присяжных заседателей. Соответственно, упоминание членов суда присяжных в пункте 24 может быть неуместным.

57. **Г-н Ивасава** выступает за предложение г-жи Веджвуд исключить слово «другие», а также убрать любую ссылку на суд присяжных заседателей.

58. **Г-н Бхагвати** интересуется целесообразностью сохранения списка несоответствий во втором предложении, особенно ввиду того, что большинство из них не могут быть обоснованы ни при каких обстоятельствах.

59. **Г-н Келин** предлагает в рамках компромисса исключить из второго предложения как слово «другие», так и запятую, которая следует непосредственно за термином «несоответствия», при этом выражение будет звучать: «но и из таких несоответствий, как...». Он придерживается того мнения, что список несоответствий во второй части этого предложения должен быть сохранен, однако решительно заявляет о недопустимом характере таких процедур. Наконец, он предлагает включить предложение г-на Амора в последнее предложение пункта, который гласил бы: «Трибуналы в составе «анонимных судей» в подобных обстоятельствах и в случае невозможности определения независимыми властями

личности и статуса таких судей не удовлетворяют основным нормам...».

60. *Пункт 24 с внесенными в него поправками принимается.*

61. **Председатель** говорит, что Комитет обсудит вопрос о судах обычного права на более позднем этапе.

62. **Г-н Глеле-Аханханзо** при поддержке **г-жи Шане** и **г-на Амора** указывает, что в проекте общего замечания не рассматривается важный вопрос о том, кто несет ответственность за обеспечение независимости судебных органов.

63. **Г-н Келин** говорит, что ссылка на обеспечение независимости судебного органа может быть включена в пункт 17 проекта. Он проведет с г-ном Глеле-Аханханзо консультации по соответствующей формулировке.

Заседание закрывается в 12 ч. 55 м.